

SLAVICA HELSINGIENSIA

36

Ben Hellman

ВСТРЕЧИ И СТОЛКНОВЕНИЯ

Статьи по русской литературе

MEETINGS AND CLASHES

Articles on Russian Literature

Helsinki 2009

И. С. Шмелев на войне и в революции

В русской художественной литературе о первой мировой войне книга очерков «Суровые дни» (1916) Ивана Шмелева занимает видное место. Этот факт был признан уже современниками: «...несомненно самое лучшее, что было написано в русской литературе о войне», писал Леонид Андреев в 1917 г.¹ В этой книге о русском тыле выделяли прежде всего ее «правдивость», отпечаток надежного источника информации о настроениях среди простого народа. На фоне серьезности и суровости ее повествовательного тона остальную военную литературу можно было поставить, по словам критика, под рубрику «легкомысленные дни»².

В «Суровых днях» Шмелев выступал в его любимой роли бытовика. Очерки основаны на наблюдениях над жизнью в деревне Оболенское (в книге — «Большие Кресты») в Калужской губернии за первые восемнадцать месяцев войны. Повествователь сохраняет нейтральную позицию, давая помещикам, чиновникам, трактирщикам, ремесленникам и, в первую очередь, неграмотным крестьянам возможность высказаться. Он слушает разговоры, передает их радость, тревогу и грусть. Представитель интеллигенции вбирает силу в себя у народа, отказываясь от традиционной роли учителя.

Материал Шмелева отнюдь не неорганизован. Тринадцать очерков группируются вокруг нескольких центральных тем. У персонажей есть индивидуальные черты, но в то же время они синтетичны. Исходная тема — преображение, возникновение нового лица у народа. Взрыв энергии и целеустремленности заменяет дремоту и застой деревенской жизни. Народ проявляет непоколебимую серьезность и спокойствие, возвышенное чувство достоинства. Следующие темы относятся к сентябрю 1914 г.: напряженное ожидание и общность, новое равенство перед войной. В очерках поздней осени доминируют суеверие, мистика и религиозные чувства. В конце 1914 г. видно отрицательное следствие запрета на алкоголь. Отрезвление народа было в начале войны важной частью преобразования России. Недейственность запрета свидетельствует о нарастающей слабости и нехватке выдержанности.

Таким образом, картина тыла у Шмелева не статична; в «Суровых днях» мы видим, как деревенская жизнь меняется за период полтора года. Речь идет о перемене, которую Шмелев не мог предвидеть, когда он опубликовал свой первый очерк. В течение второго года войны дисгармония нарастает. По «Суровым дням» видно, как русский народ выносит войну терпеливо, стараясь подниматься до серьезности момента, но испы-

¹ Андреев Л. Ив. Шмелев, Суровые дни, т. VII сочинений. *Русская воля*. 1917. 9 янв., № 8.

² Дерман А. Ив. Шмелев. Суровые дни. *Русские ведомости*. 1916. 5 окт., № 229.

тание, не столько материального, как духовного характера³, уже выше его сил. Девятый очерк, относящийся к сентябрю 1915 г., носит показательное название «Оборот жизни». Жизнь в тылу — в русской деревне — перешла в новую фазу, и над деревней «Большие кресты» — название имеет сейчас символический оттенок — простирается атмосфера упадка, уныния и смерти.

В последних очерках повествователь приобретает более громкий голос. Угрызение совести вызывает чувство вины и ответственности перед терпеливым, но сильно замученным народом. Несмотря на это, книга очерков «Суровые дни» не содержит никакого социально-политического анализа положения России; война не поставлена под вопрос и никаких выводов не делается. Книга кончается вопросом «Как все это кончится?» и ответом — «Только Господь знает»⁴.

Ответ этот отнюдь не был риторичен. Скорее он являлся выражением мировоззрения Шмелева. Речь идет о покорности перед божественным замыслом событий. Во время войны эта мысль была выражена в повести «Лик скрытый» (1916). Произведение художественно слабое, но философски она представляло самое насыщенное высказывание Шмелева за этот период. Рассказ основан на оппозиции «поверхность — глубина», «влияемое — невлияемое». Противопоставляются два взгляда на войну — как мы понимаем, один фальшивый, и один правильный, выражающий убеждение автора. Представителем фальшивого мнения является химик Шушкин, освоивший немецкое мышление: христианство — слабость; война учит о праве сильного: сила — в человеческой воле, в математике, планировании и организации. Герой же Шмелева — офицер Шеметов — отвергает этот взгляд во имя «высшей математики», «психоматематики». Знания о «мировой правде», о «живой мировой душе» нельзя достичь логикой, а мистическим способом, интуицией: «Только подрасти надо, поглубже взглядеться, душой прикоснуться к скрытому лику жизни! Мир влить в себя, взять и себя связать с миром»⁵.

Жизнь идет по своей скрытой, но мудрой логике к конечному, небесному равновесию, и война — «большая операция» — тоже служит ее высоким целям. Война — распятие, то есть не только наказание, но и начало новой жизни. Долг индивида — принять свою метафизическую вину, выдержать страдание, причиняемое войной. Это есть и мудрость самого русского народа; отвергая «цифру и меры и непоколебимые законы», т. е. немецкое мышление, русский народ искал правду в «знамениях и легендах», в символических знаках высшей реальности⁶.

³ Aschenbrenner M.I. *Iwan Shmeljew*. Königsberg und Berlin 1937. P. 44.

⁴ Шмелев Ив. *Суровые дни*. Соч. VII. М., 1916. С. 164.

⁵ Шмелев Ив. Лик скрытый. В кн.: *Слово. Сборник VII*. М., 1916. С. 258.

⁶ Шмелев Ив. *Суровые дни*. С. 55.

После Февральской революции 1917 г. Шмелев ехал на первом поезде Всероссийского земского союза в Сибирь за освобожденными политкаторжанами. В серии очерков «В Сибирь за освобожденными» он рассказывал о своей поездке. Ненарочно очерки повторяли не только мотивы, но и тот ход развития от восторга к пораженческому настроению, которое мы нашли и в «Суровых днях».

Накануне Февральской революции опять царили боязнь, неуверенность перед народом, но, как и в 1914 г., события, в этот раз революция, возбудили надежду и радость. Показалось, что Россия испытала тотальное психологическое преображение: «Глядишь и не веришь: ведь это же воскресение из мертвых»⁷. «Чудо преображения» проявилось во всем: в суровых, серьезных выражениях лиц, в неслыханной чистоте языка, в отрезвлении.

Но перемена оказалась и в этот раз непрочной. Чем дальше Шмелев отделялся географически от Москвы и хронологически от Февральской революции, тем мрачнее становились природа и лица. Были слухи о вспышках насилия и жестокости, об измене на фронте. Голоса требовали классовой войны. Позже Шмелев жалел, что он слепо участвовал в радикализации России, помогая будущим «палачам» родины добраться до центра событий⁸.

Пытавшийся различать «скрытый лик» мировой войны, революции и русского народа, Шмелев наконец, в 1917 г., пришел к глубокому разочарованию. К своему сыну он писал летом: «Глубокая социальная и политическая перестройка сразу вообще немыслима, даже в культурнейших странах, в нашей же и подавно некультурный, темный народ не *может* воспринять идею переустройства даже приблизительно»⁹.

⁷ Шмелев Ив. В Сибирь за освобожденными: Письмо первое. *Русские ведомости*. 1917. 1 апр., № 73.

⁸ Шмелев Ив. Убийство. *Душа Родины: Сборник статей от 1924—1959 гг.* С. 89-122.

⁹ Цит. по изд.: Шмелев И. С. *Повести и рассказы*. М., 1960. С. 13-14.